

Хранение этнографических коллекций

В рамках этой работы, связанной с этнографической музейной практикой, я не раз возвращался к теме музейно-научных и хранительских традиций, восходящих к концу XIX в. [Arseniev 1991: 21–28; 1999: 681–699]. В них есть своя логика, своя устоявшаяся привычка, свои способы учета, поисковые системы (через фиксацию топологии вещей в пространстве хранилища) и т.п. Вещи мягкие — текстиль, шерсть, кожи. Металлы. Дерево. Камень... Классификация и распределение в хранилище сообразно размерам, сочетаемости на полках, в ящиках, шкафах... Это все важно, хорошо и даже удобно, когда речь идет о физическом, химическом, биохимическом и прочем состоянии вещей.

Впрочем, современные хранительские технологии и оборудование позволяют обеспечивать искусственную благоприятную среду хранения как для отдельной вещи, предмета, единицы хранения, так и для более или менее обширных их сообществ. Так, еще в 1996 г., когда мне по гранту «Пол Гетти Фоундейшн» довелось работать, в частности, в фондах Берлинского музея народоведения, мне демонстрировались застекленные герметичные шкафы с искусственным климатом, предназначенные для хранения африканских коллекций смешанного по материалу состава. Тогда это было предметом гордости немецких коллег.

Для МАЭ подобного рода оборудование будет еще долго оставаться своего рода идеальным символом внедрения передовых технологий в музейную практику. И дело не только в стоимости таких шкафов, в площадях, которыми должны располагать фонды для их размещения, но и в затратах на эксплуатацию такого оборудования после приобретения. И это не только финансовый вопрос.

Надо понимать, что германская сторона также не обладает неограниченными банковскими, государственными, муниципальными или спонсорскими субсидиями на музейное и уж тем более музейное этнографическое дело. Можно предположить, что многое в этом отношении вытекает из других ценностных установок, действующих в стереотипах немецкого общества применительно к музейной практике. Прежде всего Берлинский музей народоведения — это один из символов возрожденной объединенной Германии. Это в чем-то такая же идеологическая ценность, как и восстановленный Рейхстаг. Тем более что после долгих злослучений военной поры в Далем (Западный Берлин) вернулись частично утраченные в конце войны фонды, африканская часть которых по понятным причинам даже получила

название «Ленинградские фонды». Но, полагаю, что одной из сторон такого технического обновления фондового оборудования в соответствии с новейшими разработками того времени явилось иное отношение к хранимым коллекциям.

Скорее всего, в Германии, как и в других странах Западной Европы хорошо знают рыночную стоимость хранимых у них коллекций. У нас о наших коллекциях говорят как о «бесценных», имея в виду их духовную, культурную, историческую значимость. В Германии этот подход тоже актуален. Но он сочетается со знанием материальной ценности хранимых предметов, особенно в случае если они попадают на рынок или разрушаются в процессе хранения. Общество не может себе позволить такой потенциальный ущерб, а потому вкладывается в инфраструктуру хранения и сбережения ценностей. А это затратно, хотя и «рентабельно» из-за гарантий сбережения «национального достояния».

Как бы там ни было, разработка музейной концепции этнографического музея, в целом исследовательская деятельность этнографического музея в состоянии в достаточно обозримом будущем (в случае организации соответствующих разработок) привести к выработке новых принципов хранения этнографических фондов, тем более что технологические предпосылки для этого уже имеются. Возможно, правильнее было бы хранить предметы и коллекции по народам и регионам. Ведь при наличии соответствующим образом оборудованных шкафов-хранилищ материал и размеры единиц хранения теряют первостепенную актуальность. Соответствующим образом и хранение может оказаться не столько «техническим», сколько «идеологичным», т.е. отражающим этнографическую концепцию. А это при наличии прозрачных шкафов (любых размеров и конфигураций) позволяет приблизить фондовое обустройство к экспозиционному. От чего, собственно, остается один шаг к экспозиционному принципу «открытых фондов» — весьма перспективному направлению в работе этнографического музея, которое позволило бы в случае реализации иметь базовую экспозицию в виде открытых фондов, а творческая, живая работа музея разворачивалась бы на временных и среднесрочных тематических выставках.

Общество, культуры, мир вещей (к выработке концепции музейной экспозиции отдела Африки МАЭ)

Нынешняя постоянная экспозиция, посвященная культурам Африки к югу от Сахары, была открыта 15 января 2007 г. Однако уже сегодня следует задумываться не только о достигнутом результате. Надо